

П. А. Чеснялис

## АГРАРНАЯ МЕТАФОРА В АДАМИСТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА НАРБУТА И МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА

Представлены результаты исследования, посвященного реализации аграрной метафоры в лирике В. Нарбута и М. Зенкевича 1910-х годов. Особенно актуальными в указанный период для поэтов-адамистов становятся образы, связанные с севом и жатвой. Большое значение приобретает образ смерти – посева. Человеческое тело, погружаемое в землю, становится питательной средой или обретает свойства семени, из которого должен прорасти новый мир, земной рай. Для обоих поэтов характерно использование образов земли-матери, человека-растения, которые, однако, по-разному осмысляются.

**Ключевые слова:** Владимир Нарбут, Михаил Зенкевич, адамизм, акмеизм, авангард, аграрная метафора.

Исследование адамизма как целостного явления в литературе 1910-х годов требует одновременного обращения к творчеству В. Нарбута и М. Зенкевича. В ряду компонентов, объединяющих их поэтики, значимое место занимает аграрная метафора, которая стала предметом настоящего исследования. Под аграрной метафорой понимается соотношение лирических ситуаций и образов с процессами земледельческого цикла, такими как пахота, сев, возвращение, жатва.

Источник развития аграрной метафоры у М. Зенкевича – конструирование образа матери-земли и соответствующего отношения лирического субъекта к ней. Это происходит в книге «Дикая порфира» (1912) и реализуется даже на уровне обращений: «О мать Земля!» [1, с. 48]; «Земля-владычица! И я твой отпрыск тощий...» [1, с. 55]. Акцентируется подчинение человека хтоническим силам на основании «родства». Одновременно формируется образ человека-растения как вариант аграрной метафоры:

*И нас – два колоса несжатых –  
Смогла на миг соединить  
В степи на выжженных раскатах  
Осенней паутины нить.  
И мы – два пышных пустоцвета –  
Следили вместе, как вдали  
Средь бледно-золотого света  
Чернели клином журавли  
[1, с. 76–77].*

Представленный образ имеет амбивалентные свойства. С одной стороны – пышность, впечатление полноты, с другой – не востребованность, выпадение из организованного аграрного цикла. Это расцвет, но за ним последуют увядание и гниение, которое представляется негативным вариантом возвращения в землю. В книге В. Нарбута «Аллилуйя» (1912) также описана покорность хтоническому началу. Лирический субъект стихотворения «Гадал-

ка» не имеет возможности отринуть идущую от земли правду, сколь бы она ни была страшна:

*И земляное злое ведовство  
прозрачно было так, что я покорно  
без слез, без злобы приняла его,  
как в осень пашня вызревшие зерна [2]<sup>1</sup>.*

Само предсказание представлено как слово-семя, которое должно прорасти в жизни лирического субъекта.

Присутствует у Нарбута и соотношение человеческой жизни с аграрным циклом. В стихотворении «Клубника» время сбора богатого урожая ягод совпадает с «расцветом» болезни хозяйки усадьбы:

*Сумбур в голове. От поганой касторки  
кишки и печенку на клочья порвало...  
А ягод-то, ягод! Присмотр нужен  
зоркий... [2].*

Спелая клубника должна быть своевременно убрана, чтобы включиться в организованный цикл перерождений и избежать участи несжатых колосьев.

Барыню же – напротив – ожидает переход в стихию земли, что позволяет воспринимать смерть не только как жатву. С погружением в стихию земли связано дальнейшее развитие аграрной метафоры у В. Нарбута.

Одной из основных характеристик лирического субъекта книги В. Нарбута «Плоть» (1920) является стремление к единению с землей. Оно может происходить на декларативном уровне – в восклицании бродяги:

*Земля-праматерь!  
Мы слились:  
твое – мое, я – ты, ты – я  
[3, с. 15].*

Все же более востребуемым у Нарбута оказывается вариант развития событий, при котором человеческое тело буквально должно впитаться в землю, создав среду для становления земного рая:

<sup>1</sup> В издании отсутствует нумерация страниц.

*... какому божеству, смывая грязи  
жиров и пота тускнущий налет,  
в глухом, самодовлеющем экстазе  
из вас хвалу-осанну всякий шлет?  
Не матери-земле ль, чтоб из навоза  
создать земной, а не небесный рай?  
[3, с. 8–9].*

В этом случае распадающаяся плоть не отличается от нечистот и имеет равную с ними ценность. Так, в стихотворении «Тиф» навозом названо тело умершего больного:

*Так вот какой навоз для запашки,  
сыпняк, ты месить, и без дрожжей!  
[3, с. 12]*

Нарбут, предлагая подобные пути создания рая на земле, оказывается близок к поэтике авангарда, для которого, по мнению И. Смирнова, «производство ценностей из отбросов» является одной из основных идей [4, с. 208]. Само стремление раствориться именно в стихии земли – тоже авангардная черта, так как, по наблюдению Е. Бобринской, «земля для русских футуристов – это воплощение всей совокупности природного мира» [5, с. 485].

Однако в картине мира В. Нарбута существует не только представление о плоти как «удобрении». Человеческое тело может само выступать подобием семени, прорастая, будучи помещенным в землю. Так об этом говорится в варианте стихотворения «Самоубийца» (1921):

*И даже глаз мой, сытый поволокой  
(хрусталиком, слезами просверлив  
чадящий гроб), сквозь поры в недалекий  
переструится сад, чтоб в чаще слив,  
нулем повиснув, карий дать налив...  
Так, расточась, останусь я во всем  
[6, с. 150].*

Спокойное и радостное растворение лирического субъекта во внешней среде, которое представлено в книге В. Нарбута «Плоть», не характерно для поэтической картины мира М. Зенкевича. Смерть у Зенкевича, будь то смерть животного или человека, всегда драматична, и описывается она соответствующим образом. Например, в стихотворении «Проводы солнца» используется известный по «Слову о полку Игореве» метафорический комплекс, в котором представлен и образ человека-растения, и образ войны как кровавой жатвы.

В стихотворении Зенкевича:

*От юношеского тела на кровавом току  
Отвеяли светлую душу в бою  
[1, с. 127].*

В «Слове о полку Игореве» (перевод Д. С. Лихачёва):

*На Немиге снопы стелют головами,  
молотят цепями булатными,  
на току жизнь кладут,  
веют душу от тела.  
У Немиги кровавые берега  
не добром были посеяны –  
посеяны костями русских сынов  
[7, с. 73].*

Восприятие войны как посева реализуется в стихотворении «Пашня танков» (1918):

*По бороздам волочат чудовищные  
тракторы  
Орудиями утыканные плуги.  
И под барахтающиеся в бархате  
Штыков бороны  
Сеют пулеметов сеялки  
Полновесные, отборные  
Человеческих жизней зерна,  
Чтоб на жертвах из мертвых лучезарно  
Взошли Будущего жатвы...  
[1, с. 147].*

Смертельный посев во имя будущего, описываемый Зенкевичем, имеет общие черты с концепцией нарбутовского рая на земле. Однако Зенкевич изображает событие с максимально возможным количеством жертв, и рядом с его военными жатвами и посевами сюжет Нарбута о самоубийце представляется идиллическим вариантом единения с землей. Л. Кихней называет ситуацию «Пашни танков» «мифолого-фольклорной» и заостряет внимание на ее «телесном» решении [8, с. 199]. Однако «Пашня танков» лишена мифологического трагизма, которым наполнено стихотворение «Проводы солнца», и причина не только в биографических предпосылках последнего<sup>2</sup>, но еще и в том, что описание войны в «Пашне танков» наполнено восторгом перед техникой. Похожую «поэтизацию технического» у Нарбута обнаруживает О. В. Орлова в стихотворении «Железная дорога» [9, с. 188]. В «Пашне танков» важно, что роль творца получает машина. Абсолютно игнорируется тот факт, что танк создан человеком и им управляется. Человеку отводится роль семени. Множественность жертв не допускает вычленения единичной судьбы.

Наблюдения над функционированием аграрной метафоры в лирике В. Нарбута и М. Зенкевича 1910-х годов показывают, что наиболее актуальны в указанный период для поэтов-адамистов были образы, связанные с севом и жатвой. Особое значение приобретает образ смерти – посева. Человеческое тело, погружаемое в землю, обретает свойства семени либо становится питательной средой. Для обоих поэтов характерно использование образов земли-матери, человека-растения, которые при этом по-разному

<sup>2</sup> Стихотворение посвящено памяти брата М. Зенкевича – Сергея, погибшего в бою 20 августа 1915 года.

осмысляются. Лирический субъект М. Зенкевича до-  
рожит своим человеческим обликом, понимает ко-  
нечность собственного существования, но, испыты-  
вая восторг перед породившей его природой, броса-

ет ей вызов. Это не свойственно лирическому субъ-  
екту В. Нарбута, для которого погружение в землю,  
участие в бесконечном перерождении изначально  
более значимо, чем личная идентичность.

### Список литературы

1. Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994. 688 с.
2. Нарбут В. И. Аллилуиа. СПб.: Цех поэтов, 1912.
3. Нарбут В. И. Плоть: Быто-эпос. Одесса: 2-я Сов. тип., 1920.
4. Смирнов И. П. Психодиахронология: Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 351 с.
5. Бобринская Е. А. Концепция нового человека в эстетике футуризма // Вопросы искусствознания. 1995. № 1/2. С. 476–495.
6. Нарбут В. И. Стихотворения. М.: Современник, 1990. 445 с.
7. Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1984. 207 с.
8. Кихней Л. Г. Эсхатологические мифы В. Нарбута и М. Зенкевича // Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество. Симферополь, 2008. Вып. 6. С. 192–203.
9. Орлова О. В. Ассоциативно-смысловая корреляция *нефть* – *еда* в дискурсе русской поэзии революционной эпохи // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. № 3. С. 187–191.

Чеснялис П. А., аспирант.

**Новосибирский государственный педагогический университет.**

Ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126.

E-mail: chesnyalis@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19.08.2014.

*P. A. Chesnyalis*

### AGRICULTURAL METAPHOR IN THE ADAMISTIC VERSE OF VLADIMIR NARBUT AND MIKHAIL ZENKEVICH

The article features the findings of the study dedicated to the implementation of the agricultural metaphor in the 1910s in the adamistic verse of Vladimir Narbut and Mikhail Zenkevich. In this period, the sowing and harvest-related images appeared to be particularly topical for the poets referred to the literary school of Adamism. The image of death – sowing – became highly significant. The human body dipped into soil becomes nutritious environment and obtains the qualities of a seed, from which a new world, the heaven on earth, is to grow. For both poets, it is typical to refer to such images as “Mother Earth” and the human plant; they also focus on subduing the human being by the chthonian powers.

**Key words:** *Vladimir Narbut, Mikhail Zenkevich, adamism, acmeism, avant-garde, agricultural metaphor.*

### References

1. Zenkevich M. A. *Fabulous Era: Poems. Tale. Fictional memoir.* Moscow, Shola-press Publ., 1994. 688 p. (in Russian).
2. Narbut V. I. *Hallelujah.* St. Petersburg, Tsekh poetov Publ., 1912 (in Russian).
3. Narbut V. I. *Flesh.* Odessa, 1920 (in Russian).
4. Smirnov I. P. *Psichodiahronologika: Psychohistory Russian literature from Romanticism to the present day.* Moscow, NLO Publ., 1994. 351 p. (in Russian).
5. Bobrinskaya E. A. Concept of the new man in the aesthetics of futurism. *Problems of Art*, 1995, no. 1/2, pp 476–495 (in Russian).
6. Narbut V. I. *Poems.* Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 445 p. (in Russian).
7. *The Tale of Igor's Campaign.* Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 207 p. (in Russian).
8. Kikhney L. G. *Eschatological myths of V. Narbut and M. Zenkevich. Anna Akhmatova: Epoch, fate, oeuvre.* Simferopol, 2008, issue 6, pp. 192–203 (in Russian).
9. Orlova O. V. Associative-semantic correlation oil – food in the discourse of the russian poetry of the revolutionary era. *TSPU Bulletin*, 2013, no. 3, pp 187–191 (in Russian).

**Novosibirsk State Pedagogical University.**

Ul. Vilyuiskaya, 28, Novosibirsk, Russia, 630126.

E-mail: chesnyalis@yandex.ru